

дает его, что виной всему хмель, и обещает льву показать силу хмеля. Герой напоил льва вином, а когда тот, опьянев, после буйства заснул, то был связан и очнулся наутро в цепях. Так лев убедился, что хмель делает «смелым и буйным, многоречивым и самохвальным», что человек «во хмелю всё скажет», даже то, что ему запрещено говорить (как говорит лев в одной из сказок: «Тут не только на кого скажешь, и на себя нанесешь!»¹³). Лев познает, что «хмель — роковая сила, борьба с которою невозможна», и прощает героя. Самое олицетворение хмеля в виде некоего персонажа (как это внушает герой простодушному льву) также коренится в многочисленных рассказах о хмеле — литературных, лубочных, народных.

В соединении с эпизодом битвы львом и змеем мотив «сила хмеля» вошел в сказку о Вавилонском царстве, сказку позднего происхождения, также сложенную под влиянием книжной традиции. Кроме того, тот же мотив участвует и в сказке «Соль» (помещенной еще А. Н. Афанасьевым в его «Собрании сказок»), которая тоже заканчивается эпизодом с «силой хмеля». Нравоучительность этого эпизода сказалась в том, что он существовал даже в виде отдельной сказки-басни.¹⁴ Как сказочный эпизод, этот мотив просуществовал до Октябрьской революции. Существуют, однако, и записи 1920—1930-х годов сказки типа «Соль», но, возможно, они восходят непосредственно к сборнику Афанасьева. По существу мотив «силы хмеля» в старинном понимании — как демонской, враждебной человеку силы — утратил в наше время интерес для фольклора, сохранив лишь чисто историческое значение — как доказательство влияния старинной литературы на народное творчество.

¹³ Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884, стр. 22.

¹⁴ Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908, № 161.